

Газета ежедневная, кромѣ понедѣльниковъ.

VIII-й г. изда.

Иркутскъ. Четвергъ, 16 января 1914 года.

СИБИРЬ

Цѣна номера въ розничной продажѣ—5 коп.

Подписка: внутри Имперіи: на годъ съ пересылкой и доставкой на домъ—9 руб., на полгода—5 руб., на три мѣсяца—3 р., на 1 мѣсяць—1 р. Границу: на годъ—14 р., на $\frac{1}{2}$ года—8 р., на $\frac{1}{4}$ года—5 р., на 1 мѣсяць—2 р. Подписка для городскихъ подписчиковъ принимается съ 15 каждаго мѣсяца, иногороднихъ же—только съ 1 числа. За перемѣну адреса—40 к. Разорочна годовой платы не допускается.

Цѣна оленій: за строку петиіа: впереди текста—20 к., позади текста—10 коп; иногороднія объявленія за строку петиіа: впереди текста—30 к., позади текста—15 к., объявленія прислуги и рабочихъ—20 к. за 3 строки. Подписная плата и плата за объявленія марками и въ кредитъ впускается. За прилагаемыя къ газетѣ ленточки-объявленія въ Иркутскѣ—5 руб., иногороднимъ—7 руб. за каждую тысячу экземпляровъ не болѣе одного лота.

Редакц контора газеты помѣщаются въ домѣ Зацарманъ, Большая улица.

По лѣд редакціи можно обращаться въ помѣщ. ред. отъ 12 до 2 ч. дня ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней.

Присылая въ редакцію статьи и сообщенія должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ листа, съ обозначеніемъ фамиліи и адреса авт. Рукописи, въ случаѣ надобности, подлежатъ замѣненіямъ и сокращеніямъ. Рукописи, доставленныя безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются бесплатными. Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ уничтожаются. Мелкія статьи совсѣмъ возвращаются.

Конторскія открыты съ 9 ч. утра до 5 ч. вечера. Телефонъ редакціи и конторы газеты № 431. Телефонъ редактора № 356. Срочныя объявленія послѣ 5 ч. веч. могутъ быть отдаваемы въ типографію И. П. Казанцева. Телефонъ типографіи № 297.

Объявленія въ всѣхъ мѣстахъ и странахъ принимаются непосредственно въ конторѣ газеты въ Иркутскѣ, а также въ конторахъ Торг. Дома Л. и Э. Метцль: (Москва—Мясницкая, д. Сытова; Варшава—Маршалковская, № 130; Петербургъ—Б. Морская, 11; Вильно—Большая, 38; Лодзь—Петроковская, № 102).

12.

Бібліографія.

Письма А. П. Чехова, Томъ IV. Издательство писемъ А. П. Чехова (Москва).

Читая и перечитывая эти письма, — письма незабвенного, не умирающего для насъ художника А. П. Чехова, выносите то особенное, немного жуткое впечатлѣніе, какое должно получиться при соприкосновеніи съ многообъемлющей и сложной душой большого человека. Близко, близко подходишь къ этой душѣ, какъ бы осязаешь ее, вступаешь какъ будто въ интимный разговоръ съ другомъ-писателемъ, съ его сокровенными думами и переживаниями... И вмѣстѣ съ тѣмъ настолько своеобразно, глубоко и многоцѣнно отображеніе въ душѣ художника нашихъ думъ и переживаній и всего строя нашей жизни, что нѣтъ возможности дать истинный и полный рисунокъ личности А. П. Чехова по его письмамъ. Но они дадутъ намъ драгоценный матеріалъ для нашего проникновенія въ суть чеховскихъ «настроений» и чеховской поэзіи, для углубленного и расширенного пониманія основныхъ мотивовъ его творческаго вдохновенія.

Передъ нами рядъ новыхъ интриговъ, раскрывающихъ въ міросозерцаніи писца «хмурыхъ людей» тѣ элементы, которые когда-то начисто отвергались литературной критикой. Мы имѣемъ въ виду господствовавшее одно время мнѣніе о такъ называемой «безидейности» А. П. Чехова. Объ отсутствіи въ его творествѣ положительныхъ идеаловъ.

Но вотъ—передъ нами—Чеховъ и его время въ освѣщеніи самого А. П. Чехова. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Суворину онъ говоритъ: «Будемъ говорить объ общихъ причинахъ, коли Вамъ не скучно, и давайте захватимъ цѣлую эпоху... Наука и техника переживаютъ теперь великое время, для нашего же брата это время рыцарское, кислое, скучное, сами мы кисли и скучны, умѣемъ рождать только гуттаперчевыя мальчишоны (намекъ на извѣстный рассказъ Григоровича), и не видать этого только Стасовъ, которому природа дала рѣдкую способность понимать даже отъ помоевъ. Причин тутъ не въ глупости нашей, не въ бездарности и не въ наглости, какъ думаетъ Буренинъ, а въ болѣзни, которая для художника хуже сифилиса и полового истощенія. У насъ нѣтъ «чего-то», это справедливо и это значитъ, что поднимите подборъ нашей музѣ, и Вы увидите тамъ плоское мѣсто. Вспомните, что писатели, которыхъ мы называемъ вѣчными или просто хорошими и которые понимаютъ насъ, имѣютъ одинъ общій и весьма важный признакъ: они куда-то идутъ и Васъ зовутъ куда-то и Вы чувствуете не утомъ, а восторгъ своимъ существомъ, что у нихъ есть какая-то цѣль, какъ у тѣни отца Гамлета, которая не даромъ приходила и тревожила воображеніе. У однихъ, смотря по калибру, цѣли ближайшія—крѣпостное право, освобожденіе родины, политика, красота, у другихъ цѣли отдаленныя—Богъ, загробная жизнь, счастье человечества и т. п. Лучшіе изъ нихъ реальны и пишутъ жизнь какъ она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, какъ сокомъ, социальнымъ цѣлемъ... А мы? Мы пишемъ жизнь такою, какою она есть, а дальше ни туру, ни лу. Дальше хоть плетями насъ стегайте. У насъ нѣтъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ цѣлей, и въ нашей душѣ хоть шаромъ покати. Политики у насъ нѣтъ, въ революцію мы не вѣримъ. Вы и Григоровичъ находите, что я уменъ. Да, я уменъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы не скрывать отъ себя своей болѣзни и не мямлѣть себя и не прикрывать своей пустоты чужими лоскутками, въ родѣ идей 60-хъ годовъ и т. п. Не я виноватъ въ своей болѣзни и не мнѣ лечить себя, ибо болѣзнь сія, надо полагать, имѣетъ свои скрытыя отъ насъ хорошія цѣли и послана не даромъ».

Диагнозъ «болѣзни» поставленъ съ той объективностью и съ тѣмъ изумительнымъ безстрашіемъ въ отношеніи самого себя и своего времени, которая сразу поднимаютъ Чехова и надъ этой «болѣзнью» и надъ «болельщиками» поколѣніемъ 80-хъ годовъ. Здѣсь передъ нами не только внимательный и чуткій врачъ, спокойно углубляющийся въ изслѣдованіе скрытыхъ причинъ «болѣзни» безбожія и безличія русской интеллигенціи того времени,—но и строгій, суровый судья, который не можетъ простить своему поколѣнію съ «безидейности», не можетъ примириться съ безцельностью существованія. А. П. Чеховъ рѣзко обрушивается на вѣху С., одну изъ корреспондентокъ Суворина—за ея ложную идеализацію «жизни» вообще, безотносительно къ ея внутренней цѣлности. «Неужели, пишетъ онъ, все это искренно и значитъ что-нибудь? Это не возвращеніе, а ложь». Она подчеркиваетъ «можно» и «должно», потому что боится говорить о томъ, что есть и съ чѣмъ нужно считаться. Пусть она сначала скажетъ, что есть, а потомъ ужъ я послушаю, что можно и что должно. Она вѣритъ «въ жизнь», а это значитъ, что она ни во что не вѣритъ, если она умна, или же попросту вѣритъ въ мужицкаго Бога и крестится въ потемкахъ, если она баба.

Подъ вліяніемъ ея письма Вы пишете мнѣ о «жизни для жизни». Прекорно васъ благодарю. Вѣдь ея жизне-радостное письмо въ тысячу разъ больше похоже на могилу, чѣмъ мое. Я пишу, что нѣтъ цѣлей, и Вы понимаете, что эти цѣли являются необходимыми и охотно бы пошелъ искать ихъ, а С. пишетъ, что не слѣдуетъ мучить человека всякими благами, которыхъ онъ никогда не получитъ... «Цѣли то, что есть», я, по ея мнѣнію, вся наша бѣда въ томъ, что мы все ищемъ какихъ-то высшихъ и отдаленныхъ цѣлей. Если это не бабья логика, то вѣдь это философія отчаянія. Кто искренно думаетъ, что высшія и отдаленныя цѣли человеку нужны такъ же мало, какъ воронъ, что въ этихъ цѣляхъ «вся наша бѣда», тому остается кушать, пить, спать, или, когда это надоѣстъ,—разбѣжаться и хватить лбомъ объ уголъ сундука».

Какъ глубокой и правдивой реалистъ, всегда и неизмѣнно вѣрный своему основному стремленію изображать, «какъ что есть», Чеховъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ Суворину ополчается противъ Сенкевича за «Семью Половечныхъ», которую называетъ «польской творческой пастой съ шафраномъ». «Если, пишетъ онъ, къ Полу Бурже прибавить Цотаревку, по-прискакать варшавскимъ одеситомъ и

*) Первые 3 тома редакціей не получены.

раздѣлить на два, то получится Сенкевичъ. Семейнаго счастья и разсуждений о любви напущена чертова пропастъ, и жена героя до такой степени вѣрна мужу и такъ тонко понимаетъ «сердцемъ» Бога и жизнь, что становится въ концѣ концовъ приторно и неловко, какъ послѣ слюняваго поцѣлуя.

Сенкевичъ, повидимому, не читалъ Толстого, незнакомъ съ Ницше, о гипнотизмѣ онъ толкуетъ, какъ мѣщанинъ, но зато каждая страница у него такъ и пестритъ Рубенсами, Боргезе, Корреджіо Боттичелли—и это для того, чтобы щегольнуть передъ буржуазнымъ читателемъ своей образованностью и показывать кукишъ въ карманѣ матеріализму. Цѣль романа: убаюкать буржуазію въ ея золотыхъ снахъ. Будь вѣренъ женѣ, молись съ ней по молитвеннику, наживай деньги, люби спортъ и твое дѣло въ шляпѣ и на томъ, и на этомъ свѣтѣ. Буржуазія очень любитъ такъ называемые «положительные» типы и романы съ благополучными концами, такъ какъ они успокаиваютъ ее на мысли, что можно и капиталъ наживать, и невинность соблюдать, быть звѣремъ и въ то же время счастливымъ».

И если у самого Чехова нѣтъ счастливыхъ людей, если чеховскую галерею заполняютъ трусливые, малодушные, потонувшіе въ обыденщинѣ и житейской пошлости люди, то причина ясна: онъ слишкомъ ясно видѣлъ и слишкомъ глубоко и горько сознавалъ безобразіе и пошлость русской жизни—жизни «безъ идеала».

«Мимо всей этой скучной, сѣрой толпы безсильныхъ людей,—пишетъ о немъ М. Горькій—прошелъ большой, умный, ко всему внимательный человѣкъ, посмотрѣлъ онъ на этихъ скучныхъ жителей своей родины, и съ грустной улыбкой, тономъ мягкаго, но глубокаго упрека, съ безнадежной тоской на лицѣ и въ груди, красивымъ искреннимъ голосомъ сказалъ:

— Скверно вы живете, господа!
Стыдно такъ жить!»

И читая его письма, мы начинаемъ глубже, полнѣе ощущать эту скорбь, начинаемъ постигать истинно человѣческій, гражданскій смыслъ тихой драмы, жившей въ больной груди А. П. Чехова.